

А. С. Туманова

**ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.:
НА ВОЛНЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ РЕФОРМ ИЛИ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ***

doi: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-54-62

УДК 94(47)“18/19” ББК 63.3(2)53

В статье рассмотрены такие институты публичной сферы России рубежа XIX–XX вв., как добровольные ассоциации — Вольное экономическое общество, Петербургский комитет грамотности, Московское юридическое общество. Их объединяло деятельное участие в подготовке правительственных реформ. Обсуждая преобразования и способствуя их реализации, ассоциации служили экспертными площадками, в рамках которых происходили дискуссии между правительственной властью и публикой по широкому кругу вопросов. Они превращались в публичные форумы для выражения мнений, формирования групповых идентичностей и культуры общественной самоорганизации. На основании изучения деятельности трех обществ даются ответы на несколько вопросов. Какую роль в реформаторском процессе рубежа веков играли добровольные ассоциации? Развивались они в русле правительственных реформ или двигались против течения? Какую динамику придавали реформы российской публике и как складывались ее отношения с другими акторами реформ, прежде всего с правительственной бюрократией? Как и почему возникали конфликтные сценарии?

Ключевые слова: *публичная сфера, добровольные ассоциации, правительственные реформы, режим публичности, 1890-е гг.*

Постановка проблемы исследования

Автор концепта публичной сферы Ю. Хабермас определяет ее как возникшую в недрах королевского абсолютизма и получившую выражение в институтах рыночного капитализма, печатной культуры, а также новых структур городских пространств, включавших салоны, академии, ассоциации и др. Хабермас понимает под публичной сферой пространство, где частные лица собирались вместе, чтобы стать публикой, способной на заботу об общей пользе, выражение мнений и представительство интересов.¹

Публичная сфера предстает в этом дискурсе пространством коммуникации между личностью и государством. Как социальное общение нового типа, возникшее в XVIII в. в пространстве от Бостона до Санкт-Петербурга и служащее школой демократии, трактует публичную сферу Ш. Л. Хоффман.²

¹ См.: Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016. С. 41.

² См.: Хоффман Ш.-Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914. М., 2017.

Туманова Анастасия Сергеевна — д.и.н., д.ю.н., профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: atumanova@hse.ru

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г.

Нами публичная сфера понимается в значении пространства дебатов между индивидом и государством, а термин «публика» — в значении общественности, самостоятельно мыслящей и критически настроенной группы активистов, предпочитавшей служение общественному благу государственной службе, а также радикальным проектам «светлого будущего», предлагавшимся деятелями революционного движения.³

В статье использован также концепт режима публичности, предложенный Т. Атнашевым, М. Велижевым и Т. Вайзер. Он маркируется расширением (или ограничением) реального и символического доступа к публичному городскому пространству, наличием (либо отсутствием) публичных дискуссий. Режим публичности исследуется через изучение механизмов ограничения и предоставления доступа к публичной речи, сложившихся правил и конвенций (механизмы цензуры, регламенты, уставы и санкции за нарушение установленных конвенций), практик и форм материальной инфраструктуры публичной коммуникации (газеты, толстые журналы, литературная критика и др.), а также действий институтов, обеспечивающих сферу полемики.⁴

³ См.: Малинова О. Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века: отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. С. 443, 445.

⁴ См.: Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России: сборник статей. М., 2021. С. 67–68.

Условия для формирования публичной сферы закладывались в России реформами Екатерины II по созданию привилегированного дворянского общества, обладавшего собственными корпоративными учреждениями. В XIX в. процесс формирования публичной сферы был сопряжен с промышленным переворотом, урбанизацией, развитием общественного мнения и культуры книгоиздания. Импульсом к развитию публичной сферы стали реформы 1860–1870-х гг., в ходе которых возникли на выборных принципах органы местного самоуправления и судебные учреждения, рынок печатных изданий, расширялись академические свободы в университетах.

Добровольные ассоциации (общества частной инициативы, как они в ту пору назывались) наименее изучены в контексте формирования публичной сферы. Между тем они представляли собой важный феномен для развития публичной сферы, а их удельный вес в публичном пространстве, особенно на рубеже веков, планомерно возрастал. Так, в первой половине XIX в. их насчитывалось около ста, в конце XIX в. уже несколько тысяч, а за 1906–1909 гг. их было образовано более 4 800.⁵ В канун Первой мировой войны в империи существовало уже несколько десятков тысяч добровольных обществ, а также сотни профессиональных съездов и клубов.

Выбор в качестве хронологических рамок исследования периода рубежа XIX–XX вв. обусловлен, во-первых, его слабой изученностью. Он закономерно находился для специалистов в тени более «заметных» на первый взгляд событий, таких как поворот правительственного курса к контрреформам в 1870–1880-е гг. и революциям 1905 и 1917 гг.

В российской историографии имеются лишь отдельные работы, в которых рассмотрена общественность на рубеже веков. В их числе монография К. Ф. Шацилло о содержании и динамике развития российского либерализма накануне революции 1905 г.,⁶ а также книги К. А. Соловьева о кружке «Беседа» и «Союзе освобождения».⁷

В исследовании о публичной сфере Т. Атнашева, М. Велижева и Т. Вайзер период рубежа веков также не стал предметом специального

рассмотрения. В рамках авторской периодизации выделяются 1905–1917 гг. как восходящая фаза публичности, время бурных дискуссий и расширения поля для обсуждения общественно важных вопросов. Период 1860–1881 гг. обозначен как «режим закипания», время вынужденной либерализации «сверху» и массового недовольства «снизу», проявившегося в активных публичных дискуссиях.⁸

Изучение публичной сферы рубежа XIX–XX вв. имеет существенное значение еще и потому, что данный период был для российской публики, на наш взгляд, своего рода «осевым» историческим временем. Политическая публика, не будучи еще легализована, активно формировалась в ассоциациях неполитического плана, земских собраниях и либеральном движении. Общественные институты, в первую очередь ассоциации, активно включились в обсуждение реформаторской повестки, предложенной правительственной бюрократией. Им довелось сыграть самостоятельную роль в разработке и продвижении в публичном поле программы реформ. Развивались они в русле правительственных реформ или двигались против течения? Какую динамику придавали реформы объединенной в ассоциации общественности и почему становились возможными конфликтные сценарии?

Предметом исследования стали три проекта реформ. Первый касался экономической сферы, второй затрагивал сферу образования, третий же — юридическую сферу. Реформы готовились при активном участии публики, объединенной формальными рамками ассоциаций: Вольного экономического общества и действующего при нем Санкт-Петербургского комитета грамотности, а также Московского юридического общества. В период, когда в России отсутствовали представительные учреждения, ассоциации служили публичными форумами для дискуссий. Участвуя в подготовке реформ, они способствовали складыванию механизмов взаимодействия публики с правительственной властью, а также выработке представлений общественников и бюрократии о допустимом режиме публичности.

*Вольное экономическое общество как
площадка для дискуссий по поводу
экономической политики*

Секретарь Вольного экономического общества (далее — ВЭО) А. Н. Бекетов в отчете о его деятельности за период с 1865 по 1890 гг. писал:

⁸ См.: Там же. С. 50, 68–69.

⁵ См.: Ануфриев Н. П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. М., 1917. Кн. 1. С. 37.

⁶ Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: организация, программы, тактика. М., 1985.

⁷ Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905. М., 2009; Он же. Союз освобождения. Либеральная оппозиция в России начала XX века. М., 2021.

«Не было ни одного вопроса в экономической и хозяйственной жизни страны, в котором бы наше Общество не принимало участия, а нередко и не являлось начинателем».⁹ Основанное в мае 1765 г. в качестве патриотического Общества для распространения в Отечестве полезных о земледелии и домостроительстве знаний, ВЭО с первых своих шагов не желало довольствоваться амплуа узкоспециальной ассоциации сельского хозяйства. Наличие продуктивных связей с правительственной властью позволило ему получить право на проведение исследований экономической политики в масштабах империи. Благодаря организации масштабных анкет и опросов населения по разным актуальным поводам ВЭО становится публичным форумом для дискуссий по широкому кругу научных и хозяйственных вопросов. Оно приобретает репутацию экспертной площадки, в рамках которой налаживается диалог правительственной власти и публики.

Эту репутацию ВЭО сохраняло за собой на протяжении всего «долгого XIX века». Так, еще за сто лет до отмены крепостного права оно высказалось за раскрепощение крестьянского труда, в числе первых приветствовало судебные уставы 1864 г., а после возникновения земских учреждений занялось поиском форм сотрудничества с ними. Созданная в 1894 г. при III отделении ВЭО статистическая комиссия участвовала в организации земских статистических и оценочных работ, а также в подготовке Всероссийской переписи населения 1897 г.¹⁰

Другим направлением научно-практической деятельности ВЭО в 1890-е гг. стало изучение сельской общины. Общественников интересовал вопрос: способна ли община к внедрению современных технологий ведения сельского хозяйства?¹¹

Острые общественные дебаты развернулись в ВЭО в 1890-е гг. по поводу голода. Он обрушился осенью 1891 — летом 1892 г. на 17 губерний Центрально-Черноземного района и Среднего Поволжья с населением в 36 млн человек. «Работа на голоде», как вспоминал А. А. Кизеветтер, захватила значительную часть общества, основывавшего местные комитеты, столо-

вые и устремившегося в голодающие районы для организации помощи.¹²

ВЭО становится экспертным центром по исследованию экономических и социальных причин голода. По предложению его президента барона П. Л. Корфа, члена Совета торговли и мануфактур Министерства финансов, в 1891 г. было образовано временное бюро для изучения неурожая. В 1892 г. в III отделении ВЭО были заслушаны доклады Г. А. Фальборка и С. О. Дедюлина. Статистик Фальборк признал голод следствием неурожая в России и предложил меры борьбы с ним, обозначив недостатки продовольственной политики государства.¹³ Историк экономики Дедюлин связал ухудшение экономического положения крестьян с правительственным курсом по введению в деревне земских начальников.¹⁴

Когда в 1897–1898 гг. во многих губерниях России вновь случился неурожай, учрежденный ВЭО в марте 1898 г. Комитет для помощи пострадавшим от неурожая занялся сбором пожертвований и направил своих представителей в пострадавшие губернии. Правительство реагировало на голод сдержанно, опасаясь общественного участия по образцу 1891–1892 гг. Между тем в Комитете ВЭО голод и способы борьбы с ним обсуждались открыто, что побудило власть перейти от неблагоприятного отношения к нему к враждебному. Последняя капля терпения закончилась на организованных ВЭО в марте 1898 г. совещаниях с земскими деятелями по продовольственному вопросу. Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин обвинил членов ВЭО в стремлении подчинить своему влиянию земства и перенести в научное общество «агитаторскую деятельность», признав ВЭО «вредным обществом». Было предложено передать собранные в фонд голодающих средства в Российское общество Красного Креста, как пользующееся доверием власти учреждение. Суть высказываемых властью претензий сводилась к тому, что элитарное экономическое общество стало в конце 1890-х гг. трибуной для политической агитации лиц сомнительной благонадежности.¹⁵

⁹ Бекетов А. Н. Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Императорского Вольного экономического общества. С 1865 по 1890 г. СПб., 1890.

¹⁰ См.: Вольное экономическое общество. 3 Отделение. Статистическая комиссия. Труды Комиссии по вопросам земской статистики: (Заседания с 15 по 22 февр. 1900 г.). СПб., 1901. С. 48–50.

¹¹ См.: Ковалевский М. 150-летие Вольно-экономического общества // Биржевые ведомости. Утр. вып. № 15179. 1915. 30 октября.

¹² См.: Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997. С. 138.

¹³ См.: Фальборк Г. А. Главные меры борьбы с голодом, как необходимым последствием неурожая у нас в России: докл. в собр. 3 Отделения 25 янв. 1892 г. СПб., 1892.

¹⁴ См.: Веселовский Б. Императорское Вольное экономическое общество (31 октября 1765 г. — 31 октября 1915 г.) // Речь. 1915. 31 октября (13 ноября). № 300.

¹⁵ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102.00. 1911. Д. 320. Л. 5, 60б.; Ф. 102. 4 дел-во. 1908 г. Д. 102. Л. 250б.

Министр внутренних дел имел ввиду известных общественных деятелей, пришедших к управлению ВЭО в середине 1890-х гг. В 1894 г. президентом Общества становится граф П. А. Гейден — сторонник либеральных реформ 1860-х гг., имевший опыт работы в новых судах и в земствах. Гейден был избран депутатом I Государственной думы, участвовал в создании Союза 17 октября и вплоть до 1906 г. оставался председателем ВЭО.¹⁶ С приходом Гейдена заметное влияние в ВЭО приобрели либерально настроенные земские деятели Ф. И. Родичев, Петр Д. Долгоруков, Д. И. Шаховской, В. Ю. Скалон и др.

ВЭО расширило сферу деятельности за счет социальных проблем. В его собраниях обсуждалась реформа рабочего законодательства и отмена телесных наказаний. Специалисты ВЭО выступали в 1896 г. с экспертным мнением по поводу готовившихся в правительственных сферах проектов прогрессивного подоходного налога и дали оценку денежной реформы С. Ю. Витте.¹⁷

В 1897 г. были запрещены запланированные в ВЭО доклады экономистов М. И. Туган-Барановского и П. Б. Струве. Оба принадлежали в 1890-е гг. к легальному марксизму и были наиболее яркими его проповедниками. А. В. Тыркова-Вильямс вспоминала: «Эти два Аякса марксизма были неразлучны, вместе давали битвы в полузакрытых собраниях <...> Вольного экономического общества, где со времен Екатерины II баре, чаще всего помещики, обсуждали вопросы русского хозяйства», и где «сто лет спустя после образования общества зашумела новая городская интеллигенция». Туган и Струве совместно «составляли программы и манифесты, явные и тайные <...>, вместе шли приступом на народников, вели бесконечную полемику с Михайловским, яростно нападали на <...> В. В. Воронцова, писавшего в “Русском богатстве” расхвалившиеся с Марксом рассуждения об общине и крестьянском землевладении».¹⁸ Принадлежавший к ВЭО князь В. А. Оболенский вспоминал, что во второй половине 1890-х гг. оно превратилось в «арену диспутов между народниками и марксистами», ощущавшими потребность в создании общего фронта для борьбы с правительством.¹⁹

Еще недавно консолидировавшее дворянскую и чиновную элиту ВЭО становится площадкой, вокруг которой разгораются публичные дебаты. Избранный Вольным экономическим обществом режим публичности не устраивал Горемыкина, поэтому он предпринял меры по его ограничению. В июле 1898 г. была приостановлена деятельность состоявшего при ВЭО Комитета для помощи пострадавшим от неурожая. В 1900 г. ВЭО был временно запрещен созыв публичных собраний, образование комиссий и комитетов дозволялось с разрешения министра земледелия и государственных имуществ.²⁰

Существенное значение в кампании по ограничению публичного характера действий ВЭО придавалось составлению нового устава организации, порученному МВД. Газетам запрещалось сообщать о ходе работ. В числе предлагаемых новелл было утверждение должностных лиц ВЭО администрацией и проведение заседаний после заблаговременного предупреждения петербургского градоначальника. Для пересмотра устава в 1900 г. была образована комиссия под председательством бывшего товарища министра государственных имуществ В. И. Вешнякова в составе восьми общественников и восьми чиновников. Члены ВЭО Н. Ф. Анненский, Г. А. Фальборк и В. И. Чарнолуский были высланы из Петербурга в административном порядке за критику правительственных мер. В ответ на репрессии ВЭО приостановило в апреле 1900 г. работу общего собрания и отделений, выборы новых членов, а также издание «Трудов».²¹

Осенью 1903 г., в период руководства МВД В. К. фон Плеве, атмосфера вокруг ВЭО накалилась до предела. В правящих сферах стали циркулировать слухи о возможном закрытии ассоциации. Тогда П. А. Гейден обратился к министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову. Он жаловался, что Общество более трех лет существовало в условиях безвременья. Выходом из положения президент ВЭО признавал проверку действий ассоциации «путем гласного исследования, а не на основании тайных донесений разных агентов».²² Гейден апеллировал к публике и требовал публичного обсуждения работы ассоциации.

Назначение министром внутренних дел в августе 1904 г. князя П. Д. Святополка-Мирского,

¹⁶ См.: Шевырин В. М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М., 2007.

¹⁷ См.: Веселовский Б. Указ. соч.

¹⁸ Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. М., 2007. С. 50, 51.

¹⁹ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 140.

²⁰ См.: ГАРФ. Ф. 102.00. 1911. Д. 320. Л. 60б.—8; Веселовский Б. Указ. соч.

²¹ См.: Из истории Императорского Вольного экономического общества. Копии документов. 1894—1906 гг. Б. м. и б. г. С. 187.

²² Веселовский Б. Указ. соч.; Ковалевский М. М. Указ. соч.

объявившего эру «доверия» власти к обществу, открыло для ВЭО перспективы возобновления действий в полном объеме. В ноябре 1904 г. Гейден обратился к П. Д. Святополку-Мирскому с просьбой провести гласное расследование действий общества. Он вновь подтвердил намерение вывести конфликт в публичное поле, а Мирский пообещал уладить его в короткий срок.²³

В начале 1905 г. ВЭО возобновило работу практически в прежнем формате. Был восстановлен «Голодный комитет», в комиссии по крестьянскому вопросу выступили с докладами В. А. Мякотин и В. В. Водовозов, по инициативе С. Н. Прокоповича проводилось анкетное исследование аграрного движения. В собраниях ВЭО вновь звучат доклады о земстве, общине и финансовой реформе. Высказывается предложение о содействии Государственной думе в качестве экспертного сообщества.²⁴

Имевшийся прежде у ВЭО режим публичности в 1905 г. был заметно расширен. Общество стало площадкой для дискуссий по насущным политическим вопросам. Так, после событий 9 января его члены критиковали действия власти, подавившей мирное шествие к царю с подачей петиции, и призывали к пассивному сопротивлению.²⁵ Репутация публичной площадки для обсуждения экономической и финансовой политики сохранялась за ВЭО и в межреволюционный период, особенно за III отделением под руководством экономиста С. Н. Прокоповича.²⁶

Случай ВЭО показывает, что на рубеже XIX–XX вв. представления общественников и правительственной власти о допустимом режиме публичности радикальным образом различались. Представители правящей бюрократии, организовывавшие «походы» против ВЭО, не могли смириться с тем, что влиятельная ассоциация, объединявшая в XIX в. элиту дворянской и чиновной бюрократии, превратилась на его излете в форум независимой публики.

Петербургский комитет грамотности и реформа народного образования

Недоверие правительственной власти к ВЭО усугубила и успешно проводимая им работа в области образования народа. Ее организатором выступил основанный при ВЭО в 1861 г. для обучения крестьян Петербургский комитет гра-

мотности. Он исследовал постановку народного образования в империи, составлял каталоги книг для народа и занимался их изданием.

На рубеже 1880–1890-х гг. Комитет грамотности существенно обновил свой состав за счет либеральных педагогов и деятелей народного образования, выдвинулся на роль организатора общественно-педагогического движения. Новые лидеры Комитета стали рассматривать образование народа как общественное предприятие. Имелся у них и собственный проект народной школы как светской, всесословной и бесплатной, противостоявшей казенному патриотизму, национализму и клерикализму.²⁷

В 1893 г. Комитет грамотности организовал кампанию по открытию ста библиотек, провел обширное статистическое исследование народного образования и приступил к разработке программы улучшения внешкольного образования. Не только сам Комитет, но и общественная среда вокруг него преобразилась. Губернаторов, архиереев и помещиков, являвшихся главными потребителями его книжной продукции в пореформенные десятилетия, в 1890-е гг. сменили земские деятели, учителя народных школ и учащаяся молодежь. Подобная трансформация объясняет исходившие от Комитета ходатайства: об отмене телесных наказаний для крестьян, окончивших курс сельской школы, о введении всеобщего народного образования, об улучшении положения народных учителей.²⁸

У представителей бюрократического корпуса формировалось впечатление, что, поддерживая инициативы Комитета грамотности, государство выпускает дело образования народа из своих рук. Министр внутренних дел И. Н. Дурново поручил в феврале 1894 г. министру просвещения И. Д. Делянову усилить контроль над Комитетом грамотности. Было образовано межведомственное совещание. Поначалу его члены планировали ужесточить контроль над Комитетом грамотности со стороны Министерства земледелия и государственных имуществ. Однако, когда министр земледелия А. С. Ермолов заявил об отсутствии у него возможностей контролировать образование народа, было решено передать Комитет грамотности в подчинение Министерства народного просвещения.²⁹

²³ См.: Из истории Императорского ВЭО. Копии документов. С. 194–198.

²⁴ См.: Веселовский Б. Указ. соч.

²⁵ См.: ГАРФ. 1906. Д. 194. Ч. 2. Л. 272–272об.

²⁶ См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 541. Д. 334. Л. 1.

²⁷ См.: Раскин Д. И. Комитеты и общества грамотности // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX вв. М., 2011. С. 593, 594.

²⁸ См.: С.-Петербургский комитет грамотности (1861–1911). Исторический очерк и воспоминания К. Диксона и Б. Кетрица. СПб., б. г. С. 23–30.

²⁹ См.: Брэдли Дж. Санкт-Петербургский комитет грамотности и российское образование: объект правительственной

В 1895 г. наступление реакционных кругов на Комитет грамотности увенчалось успехом. Он был отторгнут от Вольного экономического общества. На всеподданнейшее ходатайство президента ВЭО П. А. Гейдена, пытавшегося доказать, что сельское хозяйство, развитие которого являлось главной задачей ВЭО, может преуспевать только при условии распространения образования в крестьянской среде, реакции официальных кругов не последовало. 17 ноября 1895 г. Петербургский комитет грамотности был преобразован в Общество грамотности и передан в ведение Министерства народного просвещения. Ему было поручено разработать устав новой ассоциации, а также вести назначение ее председателей и утверждение членов правления. Заседания Общества образования планировалось сделать закрытыми для публики, а материалы публиковать только с дозволения Министерства народного просвещения.³⁰

Эти идеи противоречили практике публичной сферы. Уставы, как известно, разрабатывались членами ассоциаций, а должностные лица ассоциаций избирались их членами. Отстранением общественников от составления устава и выбора руководящих лиц ассоциации правительство превращало ее в государственное предприятие. Как представляется, с Комитетом грамотности оно поступило заметно жестче, чем с Вольным экономическим обществом. Последнему были запрещены публичные собрания, тогда как первому — само существование в качестве частной ассоциации.

В знак протеста члены правления бывшего Комитета грамотности К. К. Арсеньев, И. А. Горчаков, А. Д. Стасов, Г. А. Фальборк, В. И. Чарнолуцкий и В. В. Девель, а также несколько сот его членов демонстративно вышли из Общества грамотности. Свой уход они объяснили тем, что полуофициальная инстанция не сможет превратить Россию в грамотную страну.³¹ В результате радикального изменения режима публичности известных педагогов и общественных деятелей сменили в собраниях ассоциации чиновники Министерства просвещения, а его деятельность стала едва теплиться. Разгром Комитета грамотности явился прецедентом реформирования общества частной инициати-

вы в государственное установление, показав все издержки, его сопровождавшие.

Для ответа на вопрос о различии представлений о режиме публичности, приемлемом для бюрократических кругов и для общественности, показательны и то, что память о вольном Комитете грамотности методично искоренялась у российской публики. Подготовленная и изданная общественниками по результатам деятельности Петербургского комитета грамотности его история была постановлением Комитета министров конфискована. В 1903 г., несмотря на сопротивление общественных деятелей, Петербургскому обществу грамотности было передано имущество Комитета грамотности.³² Между тем истории официозного Петербургского общества грамотности так и не было написано.

Гражданский активизм в юридической сфере: случай Московского юридического общества

Аналогичным образом правительство поступило и с Московским юридическим обществом (далее — МЮО). Последнее было основано в 1865 г., на волне судебной реформы, чтобы познать ученым-правоведам и юристам-практикам с ходом разработки судебной реформы, разобратся в иных текущих преобразованиях в области права и в главных юридических понятиях.³³

Свою миссию МЮО видело в научной разработке вопросов права для усовершенствования российских законов, а также в воспитании публики в духе идей правового государства и гражданского общества. Формулируя представление о миссии организации, его председатель правовед С. А. Муромцев говорил в 1881 г.: «Мы изверились в силу бюрократического творчества, мы не ожидаем от него ничего благотворного для внутренней политической жизни России. Наоборот, — мы не теряем надежды на то, что... не в очень далеком будущем русские общественные силы будут призваны к большему, чем ныне, участию в государственной жизни. Было бы легкомысленно в ожидании этого лучшего будущего оставлять себя без надлежащей к нему подготовки... оно не должно застигнуть нас врасплох».³⁴

К началу 1890-х гг. МЮО становится экспертной площадкой для обсуждения правовых реформ. Оно участвовало в подготовке реформы гражданского (разработка проекта Гражданского

опеки или общественное предприятие? Ч. 3 // Гражданское общество в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 16.

³⁰ См.: Диксон К. С.-Петербургский комитет грамотности (1861–1911). Исторический очерк и воспоминания К. Диксона и Б. Кетрица. СПб., 1915. С. 39, 41, 47, 48.

³¹ См.: Брэдли. Указ. соч. С. 17, 18.

³² См.: ГАРФ. Ф. 102.00. 1914 г. Д. 48 пр. 3. Л. 4–5, 7.

³³ См.: Московское Юридическое Общество за первое двадцатилетие его существования (1863–1888) // Сергей Муромцев. Статьи и речи. М., 1910. Вып. 2. С. 12.

³⁴ Там же. С. 24.

уложения) и уголовного права (проект Уголовного уложения), в составлении фабрично-заводского законодательства, в изучении обычного права. Заседания московских правоведов зачастую заканчивались глубокой ночью. В статистическом отделении слушались доклады экономистов и статистиков А. А. Кауфмана и А. И. Чупрова об организации хозяйственного исследования и научного изучения Сибири как региона для колонизации. Комиссия по гражданскому праву участвовала в обсуждении положения об авторском праве, составленного В. Д. Спасовичем. Комиссия по уголовному праву занималась вопросами судебно-медицинской экспертизы. Московские юристы участвовали в подготовке законопроекта о подданстве, устранившего вечное изгнание за произвольное оставление Отечества.³⁵

С. А. Муромцев считал задачей правительственных реформ стимулирование самостоятельности общества. Его публичное выступление 26 мая 1899 г. в Московском университете на праздничном заседании по поводу столетней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина было сделано в духе этого представления. Произнося приветственную речь в память о великом русском поэте, Муромцев назвал Пушкина борцом за свободное развитие личности, а его столетний юбилей признал символом торжества русской личности над рутинной жизни и властной опеки.³⁶

Данная речь послужила поводом для закрытия Московского юридического общества. Это произошло по распоряжению министра народного просвещения Н. П. Боголепова 9 июля 1899 г., признавшего речь Муромцева очередным проявлением «вредного направления деятельности... общества, которое притом состоит при Императорском университете».³⁷ Боголепов счел речь Муромцева проявлением оппозиционного направления МЮО, которое «подрывало в учащих правильное понятие об их обязанностях и о правах власти».³⁸

С позицией Боголепова согласился и попечитель Московского учебного округа П. А. Некрасов, известный математик. Трактовку Муромцевым творчества Пушкина он признал

неприличной, а само Общество назвал стоявшим «на скользком пути». Усугубляло ситуацию присутствие на юбилейном торжестве московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, а также учащейся молодежи. Сергей Александрович согласился с мнением Некрасова, что «ни одно общественное собрание, а тем более в Университете, где каждое произносимое слово должно быть строго обдуманно, не может и не должно быть свидетелем подобных неуместных выходов».³⁹

Либеральная публика дала речи Муромцева принципиально иную трактовку. Развенчивая выдвигаемые в адрес МЮО обвинения, «Вестник Европы» писал: «...критика законов, не только в деталях, но и в основных чертах, не представляет собой ничего запрещенного или предосудительного. Если она разрешена печати, то тем более она допустима в среде ученого общества, призванного к “обсуждению теоретических и практических вопросов права” <...> В интересах самой власти желательны не только похвалы <...>, но и откровенные указания на <...> недостатки».⁴⁰

Члены МЮО и представители московской юридической корпорации не считали наличие самостоятельной позиции основанием для прекращения действий частной ассоциации. Искушенные в знании законов правоведы пришли к выводу, что МЮО было закрыто с существенными нарушениями. Объединившиеся вокруг газеты «Право» петербургские юристы В. М. и И. В. Гессены, Н. И. Лазаревский и Л. И. Петражицкий утверждали, что «закрытие Московского юридического общества могло последовать только на основании Высочайше утвержденного положения Комитета министров», а не по распоряжению министра просвещения.⁴¹ Председатель МЮО Муромцев и судебный деятель П. Н. Обнинский составили жалобу на действия Боголепова и направили ее в Сенат. Общественники отмечали, что МЮО было закрыто без обсуждения с Советом Московского университета, при котором состояло. Между тем Сенат оставил жалобу без последствий, а распоряжение министра просвещения о закрытии МЮО было утверждено 10 июля 1904 г. императором.⁴²

Как и Петербургскому Комитету грамотности четырем годами ранее, ассоциации московских юристов был предложен новый режим

³⁵ См.: Сборник правоведения и общественных знаний. Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете, его статистическом отделении. М., 1897. Т. 7. С. 1–3, 68, 86.

³⁶ См.: Из общественной хроники // Вестник Европы. 1899. Т. 5. 1 сентября. С. 422.

³⁷ Аронов Д. В., Коновалова М. А. Московское юридическое общество в репрессивной практике Министерства народного просвещения: 1889–1892–1899 гг. // История государства и права. 2015. № 14. С. 34, 35.

³⁸ Каблуков Н. А. В Московском юридическом обществе // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 135.

³⁹ Аронов Д. В., Коновалова М. А. Указ. соч.

⁴⁰ Из общественной хроники. С. 422–424.

⁴¹ См.: Право. 1899. № 37. 12 сентября. Стб. 1708–1709.

⁴² См.: Каблуков Н. А. В Московском юридическом обществе... С. 134, 135.

публичности. Московскому университету предстояло выйти с ходатайством об учреждении нового юридического общества, членами которого должны были стать все профессора юридического факультета. Председатели общества и его отделений должны были избираться из профессуры юридического факультета и утверждаться в должности министром просвещения. Либеральная печать не была согласна с предлагаемой рамкой, считая, что «обязательный выбор председателей общества и его отделений из среды профессоров установит между ними только внешнюю связь, бессильную создать что-либо прочное и ценное».⁴³

Рассмотренный пример символизировал диаметрально противоположные представления власти и публики относительно режима публичности. Боголепов и Некрасов сочли возможным закрыть МЮО в силу публично высказываемой его председателем либеральной позиции, что вело, по их мнению, к подрыву авторитета власти. Считая приостановление действий обществ своей прерогативой, они не были готовы к публичной дискуссии по поводу своего решения, пресекая всякие попытки общественных деятелей вывести конфликт с закрытием МЮО в правовое поле. Между тем начатые юристами поиски идеального права будущего продолжались под эгидой других институций — школы возрождения естественного права, Московского психологического общества и пр.

Подводя итоги сказанному, отметим, что правительственные реформы 1860–1870-х гг. послужили катализатором для развития публичной сферы. Влиятельные российские ассоциации становятся экспертными площадками, в которых происходила мобилизация публики на обсуждение реформаторских инициатив. Работавшие в них специалисты приобретают опыт сотрудничества с правящей властью в деле углубления преобразований. Они стремятся освоить не свойственные им ранее роли посредников между правительством и обществом в модернизации экономической, правовой и образовательной сфер.

Однако энергичная деятельность ассоциаций по мобилизации публики вызывала тревогу у правящих элит. Коммуникация с активным и информированным сообществом профессиона-

лов, готовых к всестороннему изучению актуальных вопросов и выработке своих проектов их разрешения, как будто не входила в их планы.

Вместо того чтобы оказывать институциям публичной сферы поддержку, представители бюрократии пожелали ограничить их публичную деятельность. Приобретавшие опыт самостоятельной деятельности и принятия решений ассоциации закрывались. Правящие круги предлагали учреждать их под контролем бюрократических ведомств и при участии лиц, состоящих на государственной службе. Стремление к перформативному институциональному устройству публичной сферы по образу и подобию государственного учреждения придавало отношениям между властью и общественностью конфронтационный характер.

Безусловно, отнюдь не все общественные организации были переданы в ведение государства, да и чиновники нередко прислушивались к мнениям экспертов, высказываемым в частных ассоциациях. Между тем, характеризуя взаимоотношения публичной власти с тремя наиболее крупными и авторитетными добровольными ассоциациями, мы увидели, что две из них были закрыты, а третья была вынуждена существенно ограничить свою деятельность.

Главная проблема состояла, на наш взгляд, в несовпадении представлений ключевых акторов реформаторского процесса о режиме публичности. Для власти, опасавшейся утраты контроля над публикой, был приемлем в 1890-е гг. режим ограниченной и подконтрольной публичности. Становившаяся все более информированной в вопросах правительственной политики и назревших реформ публика, напротив, стремилась к расширению сферы своего влияния.

У деятелей публичной сферы и представителей правящей бюрократии имелись все шансы наладить партнерские отношения. Но случилось обратное. Вместо расширения сферы гражданского участия в осуществлении правительственных реформ, предлагаемого российской публикой, государство пошло по пути усиления контроля над публичной сферой. 1890-е гг. стали временем упущенных возможностей для налаживания диалога публики и власти. Развитие добровольных ассоциаций происходило в результате этого в значительной мере вопреки правительственному курсу, преодолевая искусственно создаваемые бюрократией преграды.

⁴³ Из общественной хроники. С. 424, 425.

Anastasia S. Tumanova

Doctor of Historical Sciences, Doctor of Juridical Sciences, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow)

E-mail: atumanova@hse.ru

VOLUNTARY ASSOCIATIONS IN RUSSIA AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES: ON THE WAVE OF THE GOVERNMENT REFORMS OR AGAINST THE TIDE

The article examines such institutions of Russia's public sphere of at the turn of the 19th–20th centuries as voluntary associations — the Free Economic Society, the St. Petersburg Literacy Committee, the Moscow Law Society. They were united by their active participation in the preparation of the government reforms. Discussing the reforms and contributing to their implementation, these associations served as expert platforms within which discussions took place between government authorities and the public on a wide range of issues. They turned into public forums for the expression of opinions, the formation of group identities and the political culture of civic social self-organization. Based on the study of these three cases, the paper is aimed at answering the following questions. What role did the voluntary associations play in the reform process at the turn of the century? Did they act in line with government reforms or go against the tide? What dynamics did the reforms give to the Russian public and how did its relations develop with other reform actors, primarily with the government bureaucracy? How and why did conflict scenarios become possible?

Keywords: *public sphere, voluntary associations, government reforms, publicity regime, 1890s*

REFERENCES

- Aronov D. V., Konovalova M. A. [Moscow Juridical Society in Repressive Political-Law Practice of the Ministry of Public Education: 1889–1892–1899 — From Prevention to Closing]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2015, no. 14, pp. 32–37. (in Russ.).
- Bradley J. [The St. Petersburg Literacy Committee and Russian Education: An Object of Government Patronage or a Public Enterprise? Part 3]. *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 2012, no. 1, pp. 11–19. (in Russ.).
- Habermas J. *Strukturnoye izmeneniye publichnoy sfery. Issledovaniye otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow: Ves' mir Publ., 2016. (in Russ.).
- Hoffmann S.-L. *Sotsial'noye obshcheniye i demokratiya. Assotsiatsii i grazhdanskoye obshchestvo v transnatsional'noy perspektive, 1750–1914* [Social Communication and Democracy. Associations and Civil Society in Transnational Perspective, 1750–1914]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (in Russ.).
- Malinova O. Yu. [Society, Audience, Public in Russia in the Middle 19th — Early 20th Centuries: Reflection in Concepts of Public Communication Practices and Public Initiative]. «*Ponyatiya o Rossii*»: *K istoricheskoy semantike imperskogo perioda. T. I* [“Concepts of Russia”: Towards the Historical Semantics of the Imperial Period. Vol. I]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012, pp. 428–463. (in Russ.).
- Nesovershennaya publichnaya sfera. *Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [An Imperfect Public Sphere. History of Publicity Regimes in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. (in Russ.).
- Raskin D. I. [Committees and Literacy Societies]. *Samoorganizatsiya rossiyskoy obshchestvennosti v posledney treti XVIII — nachale XX vv.* [Self-Organization of the Russian Public in the Last Third of the 18th — Early 20th Centuries]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, pp. 588–598. (in Russ.).
- Shatsillo K. F. *Russkiy liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg.: Organizatsiya, programmy, taktika* [Russian Liberalism on the Eve of the 1905–1907 Revolution: Organization, Programs, Tactics]. Moscow: Nauka Publ., 1985. (in Russ.).
- Shevyrin V. M. *Rytsar' rossiyskogo liberalizma. Graf Petr Aleksandrovich Geyden* [A Knight of Russian Liberalism. Count Pyotr Alexandrovich Heiden]. Moscow: Prem'yer Press Publ., 2007. (in Russ.).
- Soloviev K. A. *Kruzhok «Beseda». V poiskakh novoy politicheskoy real'nosti 1899–1905* [The “Conversation” Circle. In Search of a New Political Reality 1899–1905]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. (in Russ.).
- Soloviev K. A. *Soyuz osvobozhdeniya. Liberal'naya oppozitsiya v Rossii nachala XX veka* [The Union of Liberation. Liberal Opposition in Early 20th Century Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. (in Russ.).

Для цитирования: Туманова А. С. Добровольные ассоциации в России на рубеже XIX–XX вв.: на волне правительственных реформ или против течения // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 54–62. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-54-62.

For citation: Tumanova A. S. Voluntary Associations in Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries: on the Wave of the Government Reforms or Against the Tide // Ural Historical Journal, 2025, no. 2 (87), pp. 54–62. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-54-62.